

**Г.В. ВЛАДИМИРОВ О ВРЕМЕНИ, ПУТЯХ И УСЛОВИЯХ
РАСПРОСТРАНЕНИЯ СЕРЕГ В ВИДЕ ЗНАКА ВОПРОСА НА БАЛКАНАХ
(Рецензия на две монографии болгарского ученого)**

Е.И. Нарожный*

Аннотация. В рецензии анализируются две монографии болгарского ученого Г.В. Владимирова, посвященные изучению серег в виде знака вопроса. В книгах рассматриваются украшения не только с территории Болгарии, но и из соседних государств: Сербии, Македонии, Республики Косово и др. Справедливо отвергая раннесредневековый генезис таких украшений, автор в одних случаях не исключает их привнесение аланами Северного Кавказа или куманами, в других – распространение через Золотую Орду. На наш взгляд, последний вариант наиболее реалистичен и подкрепляется другими приводимыми в книге артефактами золотоордынского происхождения – зеркалами, замочками в виде лошадок, монетами и др. **Ключевые слова:** Балканы, Золотая Орда, Северный Кавказ, украшения, серьги в виде знака вопроса, аланы и могильник Недьсалаш в Венгрии.

Поводом для рецензии послужил выход в свет в г. Казани небольшой по объему монографии болгарского исследователя Г.В. Владимирова [14]. Книга посвящена истории появления и путям распространения серег в виде знака вопроса на территории дунайской Болгарии периода «Второго Болгарского царства» и на соседних с ней территориях. Буквально через год эта монография, доработанная и дополненная, была опубликована им и в Болгарии [15]. Г.В. Владимиров, обосновывая актуальность своего исследования, вполне справедливо подчеркивает: для многих его коллег «характерна известная ограниченность в интерпретации» таких украшений, а подобранные ими в их публикациях «аналоги редко выходят за пределы Балкан», что, несомненно, ограничивает возможности атрибуции подобных находок; в лучшем случае они лишь констатируют то, что «подобные артефакты присутствуют в Волжской Болгарии и Золотой Орде», но анализ «причин их появления и распространения на территории Болгарии не проводился» [14, с. 8]. Впрочем, схожую ситуацию можно указать и в отношении целого ряда работ российских авторов о таких же украшениях, нередко «теряющихся» в массе других артефактов без должного к ним комментария. Тем самым проблема определения этнокультурных истоков серег в виде знака вопроса, ныне известных на территории Евразии, с точки зрения определения их истоков так и не исчерпала себя.

Обосновав актуальность своей работы, Г.В. Владимиров делает главный упор на «максимальное количество известных украшений (серег в виде знака вопроса) с территории Болгарии», но при этом ставит перед собой и задачу последующего «определения хотя бы приблизительного ареала их распространения» и определения «путей их появления в Дунайской Болгарии в XIII–XIV вв.» [14, с. 9]. Поэтому свою монографию он закономерно начинает с рассмотрения «Истории исследования в Болгарии» таких украшений, затем, переходя к вопросу «Происхождения и распространения...» таких серег, предлагает вниманию коллег подготовленную им выборку «Серег в виде знака вопроса на Балканах», в т. ч. и «в Болгарии». Следует сразу отметить, что во втором, болгар-

ском, издании книги, в котором сохранена прежняя рубрикация, автор значительно расширяет ареал таких находок. Далее, завершая обе свои монографии, Г.В. Владимиров переходит к историко-культурной интерпретации всего собранного и публикуемого им археологического материала, рассматривает и обосновывает роль и вклад прежде всего куманов, не исключая и версии об участии в процессе северокавказских аланов, а также и «золотоордынских татар». С ними, как считает исследователь, происходил процесс формирования средневековой культуры Болгарии периода Второго царства. Особую ценность и самостоятельное значение в обеих рассматриваемых нами книгах, что надо выделить отдельно, имеют приложения – «Каталоги» серег в виде знака вопроса, выявленных Г.В. Владимировым в публикациях своих коллег и в музейных фондах нескольких стран Южной Европы. Представленная им «европейская коллекция» серег в виде знака вопроса значительно расширяет не только границы распространения таких украшений, но и их видо-типологическое разнообразие. Самостоятельную научную ценность имеют и завершающие обе книги «Библиографии» с перечнем использованной им литературы, несомненно, позволяющие читателю сориентироваться в списке новых научных изданий, не всегда в полном объеме известных российским читателям.

Невзирая на то, что оба рассматриваемых научных исследования с географической точки зрения находятся значительно далеко и посвящены региону, удаленному от нас, проблематика и круг затрагиваемых Г.В. Владимировым вопросов *тематически* не только близок нам, но и вполне актуален. А в целом ряде случаев они прямо или в значительной мере «пересекаются» и с кругом наших научных интересов.

Георгий Владимиров свое внимание к выбранной им категории средневековых украшений – серьгам в виде знака вопроса – объясняет тем, что идея подобной работы у него «возникла еще несколько лет назад», в «результате изучения инвентаря» действительно интересного с разных точек зрения «погребения № 47 могильника у церкви «40 Св. Мучеников» в городе Велико-Тырново» [14, с. 10–11; 15, с. 10–11].

* Нарожный Евгений Иванович – д. и. н., заслуженный работник культуры Кубани, главный специалист непубличного акционерного общества «Наследие Кубани» (zai_ein@mail.ru).

Его внимание значительно усилилось в ходе предварительной реализации «общей темы – взаимодействия Золотой Орды» и населения «Нижнего Дуная во второй половине XIII–XIV вв.», в свое время завершившейся выходом монографии, опубликованной в соавторстве с П. Павловым [65], и несколькими статьями [10, с. 272–279; 11, с. 139–152; 12, с. 224–233; 13, с. 242–255 и др.].

Наш интерес к той же категории археологического материала, но происходившего с территории Северного Кавказа, вызван участием в археологических исследованиях коллег, а затем итогом самостоятельных охранно-спасательных археологических раскопок не только степных подкурганых кочевнических погребений [5, с. 199–216; 25; 55; 61 и др.]. Такие же работы проводились и в высокогорной зоне региона, при исследовании погребальных комплексов местного населения этой зоны Северного Кавказа [20, с. 15–71; 59, с. 39–79 и др.]. В них серьги в виде знака вопроса встречались достаточно часто. Они были вытянуты из тонкой (серебро и бронза) проволоки либо же уже отлиты в форме, имели разные размеры, различный декор и пр., но неизбежно ставили целый ряд вопросов хотя бы по той причине, что, являясь характерными для кочевнических древностей, выявлены они были в высокогорной зоне Северного Кавказа, которая, как считается, в систему политико-экономического контроля Золотой Орды не входила. Объяснять же их наличие здесь, в горах, только в качестве возможных «трофеев» горцев было не совсем реально и требовало серьезных обоснований [62, с. 21–22]. Разные размеры таких украшений, различный материал, из которого украшения изготавливались, «подсказывали»: украшения, вероятно, могли использоваться носителями разного возраста – самые маленькие из серег (горная Ингушетия) в высоту еле достигали 2 см. Уже упоминавшаяся разница материала (золото, серебро и бронза), из которого они изготавливались, скорее всего, могла отражать и прижизненный социальный статус их владельцев. Не всегда твердой была убежденность и в том, что при различной толщине стержня украшений, они могли рассматриваться не только как «серьги», но также и как «подвески», крепившиеся к волосам причеся или к головному убору [19, с. 156–162; 46, с. 13–15]. Впрочем эти вопросы остаются актуальными и сегодня [67, с. 291–306]¹.

Солитаризируясь с ответственными редакторами первой монографии Г. Владимиров, чл.-корр. АН РТ, д. и. н. А.Г. Ситдиковым и к. и. н. С.Г. Бочаровым в том, что рассматриваемое исследование не только интересно, полезно, но и имеет определенный научный потенциал, подчеркнем, что и вторая его монография заслуживает той же оценки; полагаю, что обе книги будут интересны и всем тем, кто захочет познакомиться с ними лично.

В самом начале своих обеих книг Г.В. Владимиров как бы вводит своего читателя в курс дела, справедливо обращает внимание на существование доволь-

но широкого в географическом, евразийском смысле ареала находок таких украшений. И в отношении каждого из таких ареалов различные специалисты высказывали нередко разнящиеся между собой точки зрения, касающиеся не только их генезиса, датировок, но и этнокультурной принадлежности, а также путей и причин их «движения» по территории Евразии [14, с. 10–19]. Справедливо он указывает на присутствие таких украшений в среде номадов, в их погребальных комплексах, причем не только в погребениях женщин, но иногда и в мужских захоронениях, как некоего «атрибута мужчин-воинов»; серьги в виде знака вопроса воспринимаются и как «культурный маркер различных этапов жизни женщины» [14, с. 10], с чем можно соглашаться, хотя и с некоторыми оговорками.

Г.В. Владимиров опирается на довольно солидную выборку-коллекцию серег в виде знака вопроса, в очередной раз указывая на существующий разнобой в их восприятии различными специалистами. Одни из них считают такие украшения обязательным атрибутом исключительно кочевнических погребений только «кимако-кипчакского» круга или же украшениями сугубо половецкого происхождения. По мнению других, такие украшения – это один из «социальных» маркеров населения в Золотой Орде или же предмет, демонстрирующий обязательную принадлежность к «имперской культуре» как показателя общности с «общенomadистскими обычаями», но с явными признаками эволюционного развития изначально местных ювелирных традиций предшествующих эпох. Некоторые авторы пишут и о возможности восприятия таких украшений как своеобразной «эмблемы» степного мира в культуре Золотой Орды, как показателя причастности владельцев таких украшений к общезолотоордынской «моде» и пр. Однако такой разнобой лишней раз демонстрирует, что проблема еще далека от окончательного, более или менее однозначного, восприятия.

Создавая максимально полный источниковый фонд для своего исследования, как уже отмечалось, Г.В. Владимиров опирается на солидную сводку находок серег в виде знака вопроса, собранную им по доступным публикациям, включавшим в себя описания подобных предметов с территории Средней Азии, Западного, Центрального и Южного Казахстана, Тянь-Шаня, а также с территорий Тюменской области, района Самары и т. д. [14, с. 10–11, рис. 1:1–12; 12, рис. 2:1–8; 13, рис. 3:1–2]. На наш взгляд, не менее важными являются такие же украшения из «раннемонгольских захоронений» Восточного Забайкалья; Алтая, из Приуралья, с территории Северного Приангарья, Западной Сибири, Новосибирского Приобья. Учтены им некоторые соответствующие находки из Поволжья, в т. ч. из Татарстана, откуда (г. Болгар) происходит и пока единственная литейная форма для таких украшений [14, с. 17, рис. 5, 1]. Известны ему и серьги в виде знака вопроса с территории Руси, Причерноморья, Крыма, Дона, Приазовья, отчасти Северного Кавказа. Указывает он и эпизодические артефакты из Китая. На

¹Несмотря на то, что С.С. Рябцева приводит реальные доказательства (Новохарьковский могильник на Верхнем Дону) в пользу трактовки части таких украшений как «подвесок», необходимо учитывать и другое обстоятельство. При исследовании склеповых могильников в высокогорной Ингушетии Д.Ю. Чакхиевым было зафиксировано в моче уха одного мумифицированного скелета взрослой женщины сразу несколько украшений на дужках и стержнях различной толщины. Это позволяет считать, что и многие из украшений в виде знака вопроса, которые предположительно рассматривались как «подвески», вполне могли быть и обычными «серьгами».

этом исходном фоне особое значение приобретают такие же находки из Белоруссии, Венгрии, Румынии, Сербии, Македонии, Косово и Болгарии, которые он вводит в научный оборот. В этом смысле артефакты с Балкан приобретают самостоятельное значение.

Тем не менее, несмотря на подобный географический охват территорий с такими украшениями, ареал их бытования ныне выглядит еще шире, а статистически количество новых таких находок еще представительнее. В этом ныне наглядно убеждают и другие работы, большая часть которых может значительно дополнить вышеотмеченную Г.В. Владимировым евразийскую сводку-фон, даже если опереться хотя бы только на монографические исследования. Это серьги из кочевнических комплексов Забайкалья – т. н. «ушная подвеска» из «погребения 11 могильника Чиндан» [4, с. 103, табл. XLI, 4]; новые украшения из Казахстана [36, с. 191, рис. 35 – 56, 66, 7в, 8д], Приуралья [44, с. 200, табл. 1, 360; 16, рис. 9, 1–11; 17, с. 257, рис. 12, 5–6; с. 260, рис. 15, 1–2; с. 264, рис. 19, 3, 15; 324, рис. 78, 8; с. 326, рис. 80, 14; 50, с. 199, рис. 10, 3; с. 201, рис. 12, 7; с. 251, рис. 62, 1 и др.]. Значительно больше их и в позднекочевнических погребениях Поволжья [18, 304, табл. 1, 6, 19, 25; с. 310, табл. VII, 9; с. 313, табл. X, 8; 317, табл. XIV, 12; с. 320, табл. VII, 9; с. 322, табл. XIX, 11; с. 330, табл. XXVII, 42, с. 331, табл. XXVIII, 16; 42, рис. XVIII]. Известны они и с территории бытовых памятников Золотой Орды [88, s. 90. Abb. 65; 7, рис. 26, 2; 27, с. 320, рис. 29], у кочевников Волго-Донских степей [51, с. 369, рис. 1, 4; с. 373, рис. 5, 13; с. 388, рис. 20, 6; с. 394, рис. 26, 8; с. 410, рис. 42, 3; с. 455, рис. 87, 7] и из некоторых могильников на Дону [29, с. 121, рис. 25, 13 и др.; 34, рис. 6, 19–23; 63, с. 17, рис. 6, 16–17, 28, 40, 51; с. 37, рис. 14, 12, 16–17, 24; с. 56, рис. 21, 1–2; 49, с. 60, рис. 20, 6]. К известным Г.В. Владимирову серьгам в виде знака вопроса можно добавить и другие, причем не только из Украины, но и с территории Молдовы [24, с. 185, табл. II, 4; 74, с. 166, табл. II, 1; 9, с. 98, рис. 1, 1–7; 23, с. 212, табл. VI, 8, 10; 78, с. 94, рис. 1; 70, с. 117, рис. 79, 2–4; 71, с. 30, рис. 29, 11–13; с. 59, рис. 49, в; 1, с. 153, рис. 1, 1–2; 26, рис. 4, 7; 32 с. 276, рис. 1, 3; 33, с. 174, рис. 4, 8–9, с. 175, рис. 5, 3; 8, с. 347, рис. 2, 1–2 и др.], Северного Кавказа², соседней Грузии [28, табл. LXIV, 72–73, табл. LXVI, 736, табл. LXVII, 3, табл. LXXIV, 774–776, табл. LXXVII, 1, 826–828; 22, 12, табл. 2, 18–19]. Тем не менее и эти, далеко не исчерпывающие, дополнения к сводке Г.В. Владимирова не отражают весь ныне известный фонд интересующих нас артефактов, поскольку существуют и другие (как опубликованные, так и неопубликованные) (архивные) материалы, охват которых по понятным причинам в данной работе просто нереален.

Г.В. Владимиров, перечисляя известные ему версии относительно генезиса интересующих его украшений, справедливо указал и на существование как минимум двух версий о якобы северокавказских истоках серег в виде знака вопроса, подробное рассмотрение которых в его задачу и не входило. Ссылаясь на второе издание монографии Е.И. Крупнова «Средневековая Ингушетия» (2008 г.), Г.В. Владимиров со-

вершенно справедливо указал на давнюю версию кавказоведа: Е.И. Крупнов еще в своей кандидатской диссертации, защищенной в далеком 1941 г., предположил возможную преемственность средневековых серег в виде знака вопроса от украшений кобанского времени (поздняя бронза – раннее железо). Версия из кандидатской диссертации «перекочевала» в первое, посмертное издание (1971 г.) монографии, естественно, оставшись и во втором варианте переизданной книги. Впоследствии версию Е.И. Крупнова разделили уже в своих кандидатских диссертациях С.Ц. Умаров и М.Б. Мужухоев. Однако в 1979 г. Р.А. Даутовой было четко и однозначно указано на ошибочность данной версии [19, с. 156–162], что снимает актуальность обозначенного Г.В. Владимировым вопроса о кобанских истоках этих украшений, хотя и он сам усомнился в такой возможности.

Между тем, рассматривая географию европейских находок серег в виде знака вопроса, болгарский коллега отмечает: «серьги в виде знака вопроса встречаются также и ... на территории средневековой Венгрии. Их появление, вероятно, можно связывать с упомянутыми в письменных источниках миграциями и оседлыми поселениями куманов и ясов – беглецов, спасавшихся от монгольской угрозы в начале XIII в.», подтверждая этот тезис находкой «в погр. 267..., датированном XIV в., рядом с францисканской церковью «Св. Николая» в городе Кечкемет». Две серьги оттуда сопровождалась монетой «короля Сигизмунда». Еще одна серьга была обнаружена в районе «Bugas-Felsomonostor (южнее Кечкеместа)». Эту находку исследователь связывает с «некрополем селища... XI–XVI вв.». Различные варианты таких же украшений исследователь приводит и из могильника Negyszallas-I у г. Ясберен в Венгрии [14, с. 18]. Следует отметить, что эти же материалы давно и хорошо известны кавказоведам, поскольку их неоднократно использовал В.А. Кузнецов, называя тот же могильник «Недъсалаш» (Негисалаш в интерпретации Г.В. Владимирова). Нам представляется называя уместным обратиться уже к наблюдениям В.А. Кузнецова.

Предлагая видеть в венгерских серьгах в виде знака вопроса северокавказско-аланские артефакты, В.А. Кузнецов на протяжении ряда лет речь ведет об их занесении на территорию Венгрии аланами сначала «с Дона или Северного Кавказа», а затем только с Северного Кавказа. Основным его аргументом в этой версии является сходство декора части северокавказских украшений, как и серег из Венгрии, наличием у них «виноградной грозди» [36, с. 25–27; 37, с. 352–366; 38, с. 81–152; 39]. Гипотезе В.А. Кузнецова, как выясняется теперь, созвучно и предположение Г.В. Владимирова, например, вслед за А.Б. Узелаца, что увеличивает число сторонников версии В.А. Кузнецова. В публикациях Г.В. Владимирова среди балканских серег в виде знака вопроса есть и серьги с «виноградной гроздью»; помимо могильника Недъсалаш в Венгрии такие же серьги есть среди материалов из «могильника у Брестовика XII–XIII вв.», г. Белграда Республики Сербия [14, с. 23, рис. 13, 4; 15], «из могильника Ново-Бырдово (Косово) XIV–XV вв.» [14, с. 24, рис. 14, 1–3,

² Данный аспект проблемы нуждается в отдельном, специальном рассмотрении, и по этой причине мы пока не будем перечислять интересующие нас находки отсюда.

с. 31, рис. 21,4–5; 15). Такая же серебряная серьга известна и «из погребения № 127 могильника у сел. Янтра Великотырновской обл.» в Болгарии [14, с. 31, рис. 21, 1; 15] и др. Они, вероятно, должны рассматриваться в том же самом историческом контексте, т. е. их следует связывать с той самой миграционной «волной», приведшей куманов и северокавказских аланов не только в Венгрию, но и в другие регионы Южной Европы, «путь» которой «маркируют» указанные Г.В. Владимировым серьги в виде знака вопроса с «виноградной гроздью». Тогда, помимо Венгрии, ареал подобного расселения северокавказских аланов необходимо расширять до территории не только Сербии, Косова и Болгарии. В принципе, болгарский исследователь это и сделал: исходя из близости серег в виде знака вопроса из могильников Северной Осетии и Центральной Венгрии, «приписываемых ясам», серьги с «виноградной гроздью» из Косова, Сербии и Болгарии Г.В. Владимиров атрибутирует следующим образом: вероятно, «эти артефакты были привнесены сюда в результате миграции населения из Венгерского королевства в средневековую Болгарию» [14, с. 30–32]; тогда и в Сербию и Косово? Таким образом, «старая» версия В.А. Кузнецова получает «новую жизнь».

Несмотря на всю заманчивость такой, сугубо логической, а не археологической постановки вопроса, версия В.А. Кузнецова в развитии Г.В. Владимирова не только умозрительна, но и сильно уязвима. И если признавать ее реальность, вначале необходимо доказать, во-первых, действительно ли *северокавказский генезис* у серег в виде знака вопроса вообще и тех их разновидностей, которые декорированы «виноградной гроздью», в частности. Во-вторых, *доказательств требует* и то, что именно такие серьги существовали на Северном Кавказе уже до первой трети XIII в., т. е. до того момента, когда аланы-ясы и половцы-куманы вынуждены были спастись от монголо-татарского нашествия, мигрировав на Дунай. К тому же в погребениях могильника Недьсалаш в Венгрии, помимо серег с «виноградной гроздью», были и серьги, украшенные полкой металлической бусиной подшаровидной формы, никем с аланами не связываемые и хорошо известные в кочевнических курганах Приуралья и Забайкалья.

Г.В. Владимиров совершенно справедливо отвергает гипотезу о реальности «салтовских» (из СМК) истоках таких серег, хотя повод для подобного удревнения (до хазарского времени) таких серег все же существует. В одной из публикаций различных артефактов из древностей Крыма хазарского времени (VII–X вв.) опубликована серьга [6, с. 85, рис. 4, 15] с бусиной, напоминающей бусины на украшениях иного типа [72, с. 38, рис. 6, тип V]. Но как мы же отмечали ранее [53, с. 144], скорее всего, включение этого типа серег в реестр украшений хазарского времени – это ошибка, обусловленная тем, что в ту подборку предметов хазарского времени были включены и предметы из случайных сборов [53, с. 144]. В этом убеждает то, что других, синхронных, украшений в хазарских

древностях мы больше не обнаружили. Зато они хорошо известны в погребальных памятниках Северного Кавказа XIII–XV вв., самые поздние из которых обнаружены с монетными находками нач. XV в. [47, с. 44, рис. 1, 8–10].

Г.В. Владимиров совершенно прав тогда, когда не соглашается с авторами, ошибочно называющими интересующие нас украшения «киевскими» и «византийскими», а также и с тем, что до сих пор неизвестны подобные украшения с явно «домонгольской» их датировкой [14, с. 16 и сл.], а наиболее широкое с географической точки зрения их распространение, считает он, очевидно, следует связывать с «миграциями поздних кочевников, распространивших моду на серьги в виде знака вопроса в разных точках Евразии» [14, с. 13]. И они «появляются на территориях обитания в различные исторические периоды поздних кочевников, находившихся в сфере влияния Золотой Орды. По всей видимости, генезис этого артефакта является частью культуры этих общностей, а его распространение повторяет траекторию их исторического расселения. Сама мода на серьги в виде знака вопроса имеет тюркские корни, а ее расцвет приходится на XIII и XIV вв., когда позднекочевнические традиции куманов, ясов и татаро-монголов формируют синкретическую культуру Золотой Орды» [14, с. 18]. Да и формирование отмеченного Г.В. Владимировым «синкретизма» культуры Золотой Орды происходило гораздо сложнее и многограннее [73, с. 105–180], нежели только участие в формировании этого самого синкретизма только «куманов, ясов и монголо-татар».

«Балканская коллекция» серег в виде знака вопроса, собранная воедино Г.В. Владимировым, действительно демонстрирует не только сам факт их распространения там уже в XIII в., но и зарождения своеобразной «моды» на такие украшения, «проникшей и утвердившейся в Юго-Восточной Европе». Подтверждает эту мысль и тот факт, что некоторые из балканских находок – с явными признаками их местной (?) «доработки», но для определения подобных новаций необходимо дальнейшее расширение источниковой базы и видо-типологическая классификация предметов.

Следует согласиться с исследователем и в том, что рассмотренные им украшения – «это не отдельный феномен, а часть общей картины». Но при этом автор приводит, на наш взгляд, совершенно разновременные артефакты для создания такой общей картины. Так, два половецких изваяния [14, с. 36–37, рис. 22, 1–2] – явно «домонгольского» времени, появление которых, если они не были завезены сюда откуда-нибудь³, наверное, следует рассматривать в несколько другом историческом контексте, в рамках тех процессов, когда такие же изваяния появились и в Европе [28; 82, s. 127–140; 83, s. 116–135 и др.]. В любом случае связывать с этими изваяниями распространение интересующих нас серег не представляется возможным.

Более реальными являются попытки рассмотрения интересующих нас украшений в контексте золо-

³ Такая практика существовала в XIX–XX вв., причем не только в России, но и за рубежом, когда с территории Восточной Европы было вывезено не только несколько каменных баб, но и некоторые археологические материалы, затем сосредоточенные в некоторых европейских музеях [85, s. 122–167; 21, с. 16; 83, s. 116–135; 87, с. 180–187; 86, с. 165–179 и др.].

тоордынской истории. Основными аргументами на этот счет исследователь приводит действительно интересное погребение «№ 47 некрополя в церкви «40 Св. Мучеников» в Велико-Тырново [14, с. 36], а также и некоторые категории другого археологического материала. Среди них – золотой перстень, золотоордынские монеты, металлические зеркала, замочки в виде лошадки и др.

Золотой перстень с двухстрочной надписью, якобы арабоязычной, первоначально неверно прочитанной: «Принадлежит Хадару Муртазе». Однако впоследствии эта же надпись была определена как надпись уйгурским письмом⁴: «Кутлуг / болсун = Будь счастливым». Перстень отнесен к XIII в. и имел, скорее всего, болгарское происхождение, так как серебряные и медные монеты с формулой «кутлуг болсун» чеканились только в г. Болгаре [10, с. 277, рис. 3–4; 11, с. 151. Обр. 3–4; 14, с. 38, рис. 24, 2; 15, с. 40, рис. 37, 2]. В том же погребении с перстнем были отмечены и серьги в виде знака вопроса [77, с. 118]. Такой датировке не противоречит перстень, типологически близкий и также золотой, но с греческой надписью, из кочевнического захоронения в кургане у сел. Новоивановка Донецкой области [79, с. 93–97, рис. 1–3; 80, с. 307–316, рис. 1–8; 81, с. 98–104, рис. 1–10; 77, с. 117–121].

Эти материалы, как представляется, дают нам некоторые поводы для наблюдений. Но вначале обратим внимание на совершенно справедливое замечание Г.В. Владимировой о том, что не все балканские украшения, определенные как «серьги в виде знака вопроса», действительно являются таковыми, при этом он указывает сразу на три украшения [14, с. 29–30, рис. 20, 1–3]. Ошибочно серьгами в виде знака вопроса обозначены только два из трех, указанных им, таких предметов; один из них [14, с. 30, рис. 20, 2] все-таки – двусоставная серьга в виде знака вопроса. А вот украшение из «могильника крепости Анево-кале, вблизи г. Сопот», обозначенное им на том же рисунке под № 1 [14, с. 30, рис. 20, 1] – украшение иного типа, с «рогатой», но поврежденной бусиной. Аналогии украшениям этого типа хорошо известны на территории Восточной Европы и были отнесены Г.А. Федоровым-Давыдовым к типу V по его ассимиляции [72, с. 38, рис. 6, тип V]. Близкие аналогии этому типу украшений (из «могильника у крепости Анево-кале, вблизи г. Сопот») следует указать с территории Болгарии, они опубликованы П. Павловым и Г.В. Владимировым [65, с. 109]. Кроме них можно указать и украшения из вещевогоклада «из Войнешть» в Румынии [64, с. 304, рис. 2, 6], но наделенные определенными признаками их местной (?) «эволюционной доработки»: повторяя тип V украшений Восточной Европы, образцы с территории Юго-Восточной Европы имеют не только изменение способа крепления «рогатой» бусины на кольцо. Изменено и само кольцо: обычно гладкое, здесь оно витое или ложновитое. На тех же территориях известны такие же украшения, но биконическая бусина у них гладкая, не имеющая лучевидных отростков (т. е. тип IV по Г.А. Федорову-Давыдову). Это несколько образцов серег типа IV из Болгарии [11, с. 142. Обр. 5]. Важно, что на территории Восточной Ев-

ропы количество подобных украшений постепенно, хотя и медленно, растет и расширяет свою географию [41, с. 315–324; 43, с. 238–239, с. 243, рис. 3]. Но эти украшения по-прежнему, может быть, и не так часто, вызывают новые споры по поводу их этнокультурных истоков (обзор см. [53, с. 138–150; 54, с. 212–223; 58 с. 713–732]). В одних случаях исследователи полагают: «нельзя полностью исключать, что такой тип украшений мог бытовать у северокавказских кочевников и в XI – начале XIII вв.», но при этом эти же авторы отмечают: «в целом наиболее предпочтительной выглядит гипотеза Г.А. Федорова-Давыдова и Е.И. Нарожного о перемещении значительных групп кочевников (черных клобуков) в золотоордынское время (XIII–XIV вв.) из Поросья и южнорусского пограничья в Поволжье и на Северный Кавказ» [43, с. 239]. В.Н. Чхайдзе – один из основных оппонентов данной версии, ссылаясь на В.Г. Блохина, фактически отвергает выше отмечавшуюся «гипотезу Г.А. Федорова-Давыдова и Е.И. Нарожного». Опираясь на рассуждения Е.А. Армарчук, он делает вывод: «такие украшения не являются этноопределяющим украшением [75, с. 231]». С.Н. Малахов, вместе с группой своих армавирских коллег, также апеллируют сначала к Г.А. Федорову-Давыдову, а затем к той же самой работе Е.А. Армарчук. В результате они ограничиваются констатацией давно известного и еще бытующего тезиса, что такие украшения есть в половецких погребальных комплексах Восточной Европы, в т. ч. и у «половцев Северного Кавказа» [45, с. 42], а также на одной из половецких статуй из х. Горькая Балка Новокубанского района Краснодарского края. Это утверждение действительно есть у Г.А. Федорова-Давыдова, но в начальной части его размышлений, на что уже неоднократно указывалось в литературе. Однако, если набраться терпения и ознакомиться с его аргументацией до конца, т. е. дочитать ту же самую работу чуть-чуть дальше, то речь идет о том, что «Особое внимание... вызывают серьги или височные кольца типа IV (т. е. как и на горькобалковской статуе. – Е.Н.) и (их вариант) типа V (т. е. с «рогатой» бусиной. – Е.Н.). Эти серьги в домонгольское время были распространены только в Поросье и на Киевщине. Такой узкий ареал ранних находок серег IV и V типов **заставляет предположить, что они принадлежали черным клобукам** [72, с. 153], невзирая даже на то, что «в археологической литературе **за серьгами типа IV закрепилось ни на чем не основанное название «половецкие серьги» или височные кольца**» [72, с. 153, прим.113]. В золотоордынский «IV период, серьги типов IV и V в Поросье не встречены», но известны далеко за его пределами – «в Поднестровье ..., Поволжье ..., т. е. в районах предполагаемого нами переселения» [72, с. 153], как и в Калмыкии [43, с. 238–239, с. 243, рис. 3] или же на Северном Кавказе [53, с. 138–150; 54, с. 212–223; 58, с. 713–732]. Кроме того, В.Г. Блохин в более поздней совместной с В.А. Кривошеевым статье все-таки изменил свое отношение к проблеме черных клобуков и их расселению в Поволжье и отметил: «наблюдения ... о перемещении в золотоордынский период поросских кочевников в Поволжье находят еще

⁴ Между тем, присутствие перстней XIII–XV вв. с арабоязычными надписями в христианских захоронениях было отмечено у погребенных близ церкви у села Весёлое под Адлером [3, с. 50–63].

Рис. 1. Черноклобуцкие серьги XIII–XIV вв. (типы IV и V по классификации Г.А. Федорова-Давыдова и их варианты): 1–2 – из Болгарии (1 по: [14, с. 30, рис. 20, 1], 2 по [65, с. 109, рис. 1]) и Румынии (3–7 по: [64, с. 303, рис. 1, 5, с. 304, рис. 2, 1–2, 5–6])

одно подтверждение» [41, с. 322]. Да и Е.А. Армарчук, стремясь действительно разобраться в проблеме возможного генезиса интересующих нас украшений и склоняясь к мысли о неясности их этнокультурной принадлежности, вполне определенно подчеркнула: «Те новые материалы, которые появились после выхода в свет трудов С.А. Плетневой и Г.А. Федорова-Давыдова о средневековых кочевниках, не позволяют нам уверенно связывать эти височные кольца с каким-то одним кочевым народом. **Значит, термин «половецкие серьги» следует применять только как дань традиции, помня о его условности, ибо он не исчерпывает реальное распространение этих украшений**» [2, с. 213–214]; при этом она указала на единственную в то время «половецкую» скульптуру с украшением интересующего нас типа в мочке уха этого изваяния. Горькобалковская статуя с такой же серьгой – вторая статуя. Но, несмотря на приведенные мнения указанных выше авторов, не признающих черноклобуцких истоков таких украшений, к сожалению, никаких альтернатив на этот счет так и не предложили. Поэтому, по-прежнему разделяя и развивая гипотезу Г.А. Федорова-Давыдова, отметим, что исследователь указывал и на самую западную находку черноклобуцких серег типа IV, называл Поднестровье и «клад XIV в. в Будешты» (Федоров-Давыдов, 1966, с. 153). Вероятно, что приведенные и пока эпизодические находки украшений IV и V типов не только с территории Болгарии (рис. 1, 1–2), но и Румынии (рис. 1, 3–7), причем не только типов IV, но и V; как уже указывалось, со следами их местной (?) и более поздней доработки. Тем не менее, если учитывать специфику исторической географии XIII в., следует обратить внимание на то, что в XIII в. «наиболее отдаленным

районом распространения власти монголов называют области, прилегающие к нижнему течению Дуная», через которые монголы осенью и зимой 1242 г. уходили на восток. Нижнедунайская низменность, как полагают специалисты, на длительное время превратилась в «место концентрации» монгольских отрядов, действовавших на территории Европы. Особая их активность связывается с Пруто-Днестровским междуречьем. В 1260-е годы здесь, «на Дунае, в районе г. Исакичи» локализуются основные становища Ногая. Постепенно он расширяет подконтрольные ему территории, и уже во второй пол. XIII в. некоторым государствам «южнее Дуная пришлось признать свою зависимость от Ногая. В первую очередь это относится к Болгарии» (Егоров, 1985, гл. 2). На этом фоне, как и применительно к другим территориям, на которых находки серег типов IV и V мы связываем с черными клобуками, оказавшимися под властью Ногая, будет резонным связывать распространение дериватов украшений типов IV и V с черными клобуками Ногая, в действиях которого на этой территории некоторые исследователи видят признаки его «самостоятельной от центральных властей политики». Среди таких признаков «независимости Ногая» называют «выпуск монет с его личной тамгой. Такие серебряные и медные монеты чеканились в г. Сакчи», находившемся в Нижнем Подунавье [40, с. 339].

Демонстрируя «фонд» других артефактов золотоордынского происхождения с территории Болгарии, Г.В. Владимиров указывает и на находки металлических замков в виде фигурки лошади из Исторического музея г. Каварна [14, с. 44, рис. 29; 15, с. 43, фиг. 42], справедливо указывая на возможность их притока с территории Волжской Булгарии (г. Болгар). Такие же, в т. ч. и близкие предметы, сегодня, помимо г. Болгара, с территории Дунайской Болгарии, известны и на территории Молдовы [9, с. 98, рис. 1], на Украине [69, с. 77, рис. 2; Супруненко и др.; 71, с. 31, рис. 30 и др.], на территории Чечни [48, с. 56, рис. 2, 10] и в золотоордынском Поволжье [88, s. 90. Abb. 82] и др. Здесь, как и на других территориях, эти замки, скорее всего, являлись результатом прямых или опосредованных торгово-экономических отношений.

Выразительной является и опубликованная Г.В. Владимировым коллекция металлических зеркал из окрестностей г. Варгы [14, с. 44, рис. 30; 15, с. 44, фиг. 45]. И в этом случае зеркала находят полные аналогии в Золотой Орде. Сугубо золотоордынскими являются другие предметы – нефритовая деталь поясной гарнитуры [15, с. 43, фиг. 44], сходная с раннеджучидскими [30, с. 248–255]. Учитывая материал, из которого предмет изготовлен, предположительно его можно сопоставлять с кругом чжурчженских (?) древностей, в качестве «трофеев» разнесенных монголами по территории Евразии, включая и Северный Кавказ [87, р. 60–64]. Вполне «узнаваема» и т. н. серебряная пиршественная чаша из Национального исторического музея г. Софии [14, с. 45, рис. 31; 15, с. 45, фиг. 46]. Обзор таковых находок на территории Золотой Орды предпринимался не один раз [56, с. 226–243; 25, с. 44, рис. 42; 76, с. 265–296].

Не менее показательна коллекция подобранных Г.В. Владимировым золотоордынских монет с тер-

ритории Болгарии [14, с. 39, рис. 25, с. 40, рис. 26, рис. 27, с. 41, рис. 28; 15, с. 41, фиг. 38 и 39, с. 42, фиг. 40 и 41]. Отмечая то, что абсолютное их большинство происходит из раскопок или же в качестве п/м с разных бытовых памятников, исследователь указывает на факты нахождения части таких монет в погребениях, считая не совсем верным видеть в них т. н. «обол Харона» [14, с. 39], с чем можно согласиться [57, с. 116–127]. Все перечисленные и рассмотренные категории предметов материальной культуры создают впечатление не только возможного и условного их подразделения, как минимум, на две группы – это предметы обихода, возможно, кочевого населения (пиршественная чаша, поясная привеска, перстень и пр., включая серьги в виде знака вопроса и украшения типов IV и V). Такие же предметы, включая зеркала и пробитые монеты, также встречаются в погребальных комплексах разноэтничных кочевников. В то же время все они, включая замки-лошадки и монетные находки, вполне типичные предметы, нередко встречающиеся при археологическом изучении бытовых памятников эпохи Золотой Орды. По этой причине отдавать приоритет в распространении серег в виде знака вопроса только тюркоязычным кочевникам достаточно спорно. Складывается впечатление, что все эти предметы оказались на территории Юго-Восточной и Южной Европы в результате каких-то более сложных и разновременных событий или явлений, нежели просто были занесены одной миграцией. Не останавливаясь на точках зрения других болгарских авторов, также занимавшихся историей и динамикой болгарско-золотоордынских взаимоотношений (Г.Г. Атанасов, П.Х. Павлов; А.Б. Узелац и др.), сошлюсь лишь на несколько тезисов, которые недавно опубликовал румынский исследователь Виктор Спиной. Касаясь уже XIV в., он указывает на сведения анонимного средневекового автора, под 1308 г. сообщавшего о том, что «Болгария на тот момент выплачивала дань татарам» [68, с. 748], что само по себе предполагает наличие, как минимум, даннической зависимости этого государства от Золотой Орды. В. Спиной указывает и на одну из булл папы Иоанна XXII, в которой есть информация и об интересующей нас территории. В частности, в булле речь шла о канонической юрисдикции епископа Кафы, в т. ч. и над «землей татар», которая простиралась от города Вария [= Варна] в Болгарии до Сарая, и от берегов Понтийского моря [= Черного моря] до страны ругенов [= Руси]» (Цит. по: [68, с.748]). Эти данные историчны по той причине, что уже на Лионском соборе 1274 г. римско-католическая церковь объявила об учреждении двух викариатов: «Аквилонского викарийата» с центром в г. Кафе и «викарийата Восточная Татария» с центром в Тебризе. Аквилонский викариат внутри делился на две кустодии (округа) – «Газария» и «Сарай»; деятельность «кустодии Газария» охватывала Крым, земли при Дунае и при Днепре. Полномочия «Сарайской кустодии» калькировались на восточную часть Золотой Орды [66, с. 58, с. 119] с Северным Кавказом [52, с. 17–19]. На этом фоне приведенная цитата из папской буллы интересна еще и в том плане, что она значительно

конкретизирует пределы компетенции католических епископов «кустодии Газария».

Около 1320 г., продолжает В. Спиной, в источниках упоминаются и «стоянки татар», например в Добрудже, безусловно подчинявшиеся ханам Золотой Орды. И отсюда они («татары») неоднократно вовлекались в различного рода военные конфликты, выступая в них «сами по себе», либо «в альянсе с различными балканскими правителями». Источники определенно знают их и неоднократно упоминают «под именем «татар»(Татаръ)», в т. ч. «вместе с болгарским царем и Бесарабом», например, «в участии против сербов в знаменитой битве при Велбужде» (ныне Кюстендил, Болгария) «1330 г.». Тогда сербский король Стефан Урош III (1321–1331 гг.) разгромил болгарское войско во главе с царем Михаилом Шишманом (1323–1330 гг.). Победитель предоставил власть над Болгарией своему племяннику Ивану Стефану (сыну сестры Анны-Неды, вдовы погибшего Михаила Шишмана), который на короткое время стал царем Болгарии» [40, с. 342]. После чего «сербы сменили болгар в исполнении главной роли» на «переднем плане балканской политической сцены». А власть «Золотой Орды непрерывно» действовала «в северо-восточном регионе Балканского полуострова вплоть до середины XIV в.». «Болгары имели возможность выступать там в качестве субъектов Золотой Орды» (Цит. по:[68, с. 750]). В данном историческом контексте, вероятно, следует рассматривать и все вышерассматривавшиеся предметы золотоордынской культуры, попадавшие сюда, вероятно, и как результат торгово-экономических связей, осуществлявшихся внутри разных областей и регионов золотоордынского государства. На такую, причем шедшую в противоположных направлениях, торгово-экономическую деятельность указывают пока немногочисленные находки не только вышеотмеченных Г.В. Владимировым золотоордынских монет на территории Болгарии, но и другие. На известной сухопутной трассе золотоордынского средневековья «из Добруджи (о ней см. сл...: [31, с. 10–13 и]) в Пруто-Днестровье», где находилась «единственная в этом районе переправа через Дунай», как предполагают специалисты, существовало и обширное поселение («у с. Орловка»), функционировавшее здесь «с конца XIII в. до середины XIV в.». На поселении «вместе с джучидскими монетами» были «найжены сербские и болгарские монеты» [40, с. 340], что подтверждает реальность развития торгово-экономических отношений. Специалисты полагают: очевидно, что основой денежного обращения в Пруто-Поднестровье были джучидские серебряные данги и медные пулы – как местные (в первую очередь, монеты Костештского поселения, Шехр ал-Джедида и Сакчи), так и привозные из Крыма, Приазовья, Поволжья и прочих районов Золотой Орды. Заметную часть денежного обращения здесь составляли монеты южных соседей региона – государств Балканского полуострова (прежде всего Болгарии) и Малой Азии, с которыми Золотая Орда поддерживала политические и торговые связи [40, с. 340]. Вероятно, какая-то доля монет эмиссий балканских государств достигала разных территорий Золотой Орды и черноморского бассейна. В этом убеждает пока единственная известная нам наход-

ка монеты из высокогорной Ингушетии. Сильно потертая и пробитая, она попала сюда, скорее всего, с черноморского побережья Грузии или Абхазии. Судя по аналогиям, эта монета бита от имени Михаила Шишмана с сыном Иоанном Стефоном (1330–1332 гг.) [60, с. 70].

Рассмотренные монографии Г.В. Владимирова, несмотря на то, что по каким-то их положениям мы имеем свою собственную точку зрения, актуальны, своевременны и с научной точки зрения важны, поскольку стимулируют читателя, как это было и в на-

шем случае, не просто поделиться впечатлениями или высказать иное восприятие каких-то материалов. Так или иначе обе работы обозначили потребность в дальнейшем наращивании исходной источниковой базы, может быть, и для того, чтобы значительно расширить представления о границах Золотой Орды, в т. ч. и на Балканах. Это обстоятельство лишний раз доказывает научную значимость обеих монографий Г.В. Владимирова, которому остается только пожелать дальнейших научных успехов и творческого вдохновения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абызова Е.Н., Рябцева С.С. Изделия из цветных металлов и инструментарий ювелиров в контексте золотоордынских древностей Пруто-Днестровского междуречья // Золотоордынская цивилизация. Казань: ИИ АН РТ, 2009, № 2. С. 139–153
2. Армарчук Е.А. «Половецкие серьги» // Археология евразийских степей. Сборник статей к юбилею проф. С.А. Плетневой. МИА Поволжья. Вып. 3. – Йошкар-Ола: МарГУ., 2006. С. 201–216.
3. Армарчук Е.А. Перстни с арабской эпитафией из раскопок храма у села Веселое под Адлером // Звучат лишь письмена. К юбилею Альбины Александровны Мединцевой. – М.: ИА РАН. 2019. С. 50–63.
4. Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). – Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.
5. Басов В.И., Нарожный Е.И. Новые позднесредневековые комплексы с территории Северного Кавказа. Публикация материалов. Часть 1 // МИА Северного Кавказа. Вып. 5 / Под ред. Е.И. Нарожного. – Армавир: РИЦ АГПИ. 2005. С. 199–216.
6. Баранов А.И. Население Крымской Хазарии (по материалам могильников VII–X вв.) // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Сб. статей / под ред. А.Х. Халикова. – Казань, 1990. С. 72–100.
7. Блохин В.Г., Яворская Л.В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. (учебное пособие). – Волгоград: ВолГУ. 2006. 268 с.
8. Бубенок О.Б. Черкесские воины на границе Улуса Джучи в Среднем Поднепровье // *Steatium plus*. №5: «Огнем и мечом». – Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса-Бухарест, 2019. С. 343–356.
9. Бырня П.П., Рябой Т.Ф. О некоторых ювелирных изделиях из Старого Орхеля // Памятники древнейшего искусства на территории Молдавии. – Кишинев: Штинница, 1989. С. 97–103
10. Владимир Г.В. Погребение эпохи Золотой Орды в средневековой Болгарской столице Велико Тырново: проблемы, гипотезы, факты // Золотоордынское наследие. Вып. 2. – Казань: Фолиант, 2011. С. 272–279.
11. Владимир Г.В. Археологически находки от западната пристройка на църквата «св. Четиредесет мъченици» в Тырново // Приноси към българската археология. Том VII. В памет на проф. Рашо Рашев. – София: НАИМ-БАН, 2013. С. 139–152.
12. Владимир Г.В. Серьги в виде знака вопроса из Дунайской Болгарии (XIII–XIV вв.): происхождение и ареал распространения. Поволжская археология. №1(7). Казань: ИА АН РТ, 2014. С. 224–233.
13. Владимир Г.В. Материальные следы куманов в болгарских землях (конец XI – середина XIII вв.): проблемы изучения // Поволжская археология. 3(9). – Казань: ИА АН РТ, 2014. С. 242–255.
14. Владимир Г.В. Серьги в виде знака вопроса из средневековой Болгарии (XIII–XIV вв.): о материальных следах куманов и Золотой Орды в культуре Второго Болгарского царства. – Казань: ИА АН РТ, 2018. 128 с.
15. Владимир Г.В. Обещи сформа на въпрасителен знак от средновековна България (XIII–XIV в.). За материалните следи от куманите Златната Орда в културата на Второто Българско царство. – София. 2019. 88 с.
16. Гарустович Г.Н. След великой замятки (Местонахождение XIV в. у деревни Брик-Алга). – Уфа: Из-во АН РБ «Гилем а», 2012. 222 с.
17. Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX–XV вв.). – Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 328 с.
18. Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Е. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – нач. XV вв.). – Уфа: Изд-во «Гилем», 1993. 36 с.
19. Даутова Р.А. О генезисе и этнокультурной интерпретации некоторых типов серег и височных подвесок XIII–XVIII веков горной Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической Под ред. В.Б. Виноградова. – Грозный: ЧИГУ. 1979. С.156–162.
20. Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Чакхиев Д.Ю. Новые данные о материальной культуре горной Ингушетии (По раскопкам Шуанского могильника) // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии / Под ред. В. Виноградова. – Грозный: ЧИНИИСФ. 1989. С.15–71.
21. Дашкевич Р.Я., Трыярска Э. Каменные бабы причерноморских степей. Коллекция из Аскании-Нова. Wroclsv-Warszawa-Krakow-Gdansk-Lodz. 1982. 180 с.
22. Джорбенадзе В.А. Типы погребений и обряд захоронения в Грузии в XI–XIV вв. – Тбилиси: ЦАИГ. 1992. 18 с.
23. Добролюбовский А.О. Курганы Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. – Киев: «Наукова Думка». 1986. 137 с.
24. Довженко В.И. Татарське місто на нижньому Дніпрі часів пізнього середньовіччя // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1961, № 10. С. 175–193.
25. Дружинина И.А., Чхайдзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. – Армавир-Москва: РИЦ АГПИ. 2011. 266 с.
26. Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989–1992 гг.). – Запорожье: ЗГУ. 2001. 275 с.
27. Зеленева Ю.А. Очерки этнокультурной истории Поволжья XIII–XV вв. – Йошкар-Ола: МарГУ. 2013. 328 с.
28. Жинвали. Археологические исследования в Арагвском ущелье. Т. 1. – Тбилиси: Мецниереба. 1984. 424 с.
29. Ильников Л.С., Казакова Л.М. Курганы Миусского полуострова. – Ростов-на-Дону: Изд-во. РГУ. 1988. 168 с.
30. Исаков Р.В., Афоньков Н.Н., Шереметьев А.Г., Архангельский М.С. Парадные золотые пояса раннежужидского времени из Олень-Колодезя и Гашун-Уста: историко-культурный и семантический аспекты исследования // Археологическое наследие Саратовского края: Вып. 11. – Саратов: СГУ. 2013. С. 248–255.
31. История и обществознание. Научный и учебно-методический ежегодник. Вып. XVI. Армавир: РИО АГПУ. 2019... 232 с.
32. Квитницкий М.В., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Сирика В.С. Золотоордынский погребальный комплекс с зеркалом с изображением сфинксов на Нижнем Днестре // В поисках сущности. Сборник в честь 60-летия Н.Д. Русева. – Кишинев: Stratum, 2019. С. 275–290.
33. Квитницкий М.В., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Сирика В.С. Неординарный золотоордынский могильник у с. Глинное на левобережье Нижнего Днестра // *Stratum plus*. № 6: Луки войны. – Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса-Бухарест, 2019. С.169–192.
34. Кравец В.В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. – Воронеж: ВГПИ, 2005. 206 с.+96 илл.
35. Кригер В.А. Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (X–XV вв.). – Уральск: Евразийский союз ученых. 2012. 200 с.
36. Кузнецов В.А. Ясы в Венгрии и могильник Недьсалаш // XIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Орджоникидзе. 1986. С. 25–27.
37. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. 2-е изд., доп.– Владикавказ: Ир, 1992. 392 с.
38. Кузнецов В.А. Алано-осетинские этюды. – Владикавказ (Минвотды): «Кавказская здравница», 1993. 184 с.
39. Кузнецов В.А. Ясы и куньи в Венгрии. – Владикавказ: Проект-Пресс. 2015. 98 с.
40. Кривенко А.В. Находки сербских средневековых монет в междуречье Прута и Днестра // *Stratum plus*: № 6. – Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса-Бухарест: «Stratum». 2014. С. 339–344.
41. Кривошеев М.В., Блохин В.Г. Средневековое погребение из одиночного кургана в Котельниковском районе Волгоградской области // Стелы Европы в эпоху средневековья. Т. 10. – Донецк: ДонГУ, 2012. С. 315–324.
42. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. – Волгоград. 2001. 30 с.
43. Лопатин В.А., Малышев А.Б. Два средневековых погребальных комплекса из Калмыкии // Археология Восточно-Европейской степи.

Межузовский сб. науч. ст. / Под ред. В.А. Лопатина. – Саратов: СГУ, 2018. С. 227–243.

44. Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. – Москва: Наука. 1977. 220 с.

45. Малахов С.Н. и др., Малахов С.Н., Гурова Е.А., Басов В.И., Приймак Ю.В. Половецкое изваяние из окрестностей хутора Веселый // Семнадцатые чтения по археологии Средней Кубани (Тезисы докладов) / Ред. С.Л. Дударев. – Армавир: Дизайн-студия Б. 2020. С. 40–44.

46. Мамаев Х.М., Нарожный Е.И. Серьги и подвески в виде знака вопроса на территории Северного Кавказа (Некоторые вопросы генезиса и хронологии) // Северный Кавказ в междисциплинарных контактах и диалогах от древности к современности. Тезисы региональной научной конференции, посвященной 10-летию исторического факультета АГПИ. 24–25 октября 2001 г. / Под ред. В.Г. Шнайдер. – Армавир: АГПИ. 2001. С. 13–15.

47. Мамаев Х.М., Нарожный Е.И. Новые археологические памятники золотордынского времени в Чечне // ВАН ЧР. – Грозный: Изд-во АН ЧР. № 3 (24), 2014. С. 43–55.

48. Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю. Новые находки эпохи средневековья из окрестностей сел. Майртуп // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1987. С. 53–67.

49. Матвеев Ю.И., Цыбин М.В. Таганский гробовый могильник (Серия: Археологические памятники Донецкого бассейна. Вып. 6. – Воронеж: ВГУ, 2004. 78 с.

50. Матушко И.В. Памятники IX–XIV вв. степного Приуралья. – Москва-Берлин: DirectMedia, 2016. 324 с.

51. Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. – Волгоград: ФГБОУ ВПО «ВолГСПУ», 2015. 483 с., илл., табл.

52. Нарожный Е.И. О католической церковно-миссионерской деятельности в бассейне Черного и Каспийского морей // Материалы заседания, посвященного 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности школы акад. В.Б. Виноградова. Ч. 2. / Под ред. С.Л. Дударева. – Армавир: АГПИ. 1994. С. 17–19.

53. Нарожный Е.И. Черные клубуки на Северном Кавказе. О времени и условиях переселения // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14: Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья / Под ред. А.Д. Прякина. – Воронеж: ВГУ. 2000. С. 138–150.

54. Нарожный Е.И. Половцы или черные клубуки? (По поводу критических заметок И.Н. Андимова и Ю.В. Зеленского) // МИА Северного Кавказа. Вып. 2 / Под ред. Е.И. Нарожного. – Армавир: РИЦ АГПИ. 2003. С. 212–223.

55. Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа (Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды) / Под ред. Виноградов В.Б. – Армавир: «Армпольграфиздат», 2005. 210 с.

56. Нарожный Е.И. О некоторых находках XIII–XIV вв. с территории «Грозненской области» (по материалам личного архива грозненского краеведа М. П. Севостьянова). // МИА Северного Кавказа. Вып. 5 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. – Армавир: РИЦ АГПИ. 2005. С. 226–243.

57. Нарожный Е.И. Монетные находки XIII–XV вв. в погребениях: некоторые аспекты семиотических оценок известных артефактов // Археология евразийских степей. № 6. – Казань: ИИ АН Р. 2017. С. 116–127.

58. Нарожный Е.И. Об «этнокультурных», «этномиксационных» и «этноформирующих» процессах XIII–XV вв. в Северо-Восточном Причерноморье (дискуссионные аспекты проблемы) // Этногенез этническая история народов Кавказа. Материалы I международного нахского научного конгресса (г. Грозный. 11–12 сентября 2018 г.) / Гл. ред. Ш.А. Гапуров. Отв. ред. С.С. Магамадов. – Грозный: АН ЧР. 2018. С. 713–732.

59. Нарожный Е.И., Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А. Полу-подземные склепы Келийского могильника (По материалам охранных раскопок 1987 года) // Археологические открытия. Под ред. В.Б. Виноградов. – Грозный: ЧИНИИСФ. 1990. С. 39–79.

60. Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. Нумизматические материалы XIII–XIV вв. из высокогорной Ингушетии // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2. – Казань: ИИ АН РТ, 2012. С. 66–73.

61. Нарожный Е.И., Охонько Н.А. Новолаповский могильник XIV века в системе евразийских древностей (МИАСК. Вып. 7). – Армавир-Ставрополь: Изд-во РИЦ АГПУ, 2007. 176 с.

62. Нарожный Е.И., Подгорный М.П. Серьги в виде знака вопроса из раскопок Келийского могильника // Студенческие археологические открытия 1987–1988 гг.: Тезисы докладов и сообщений / Под ред. В.Б. Виноградова. – Грозный: ЧИГУ. 1989. С. 21–22.

63. Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. – Воронеж: ВГУ, 2002. 200 с.

64. Оца С., Джорджеску М. К вопросу об уточнении датировки клада из Войнештэ (жудец Яссы) // *Stratum plus*. № 6. – Санкт-Петербур-

Кишинев-Одесса-Бухарест: «Stratum». 2016. С. 301–320.

65. Павлов П., Владимиров Г. Златната Орда и Българияте. – София: Военно издателство ЕООД. 2009. 176 с.

66. После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий. Перевод с латинского и староитальянского языков, введение и примечания Я.М. Света. – М.: Наука. 1968. 237 с.

67. Рябцева С.С. О некоторых предметах декорировки костюма и украшениях конца XIII–начала XV вв., связанных с золотордынской традицией // В поисках сущности. Сборник статей в честь 60-летия Н.Д. Руссева (Сер. «Библиотека Stratum»). – Кишинев: Университет «Высшая антропологическая школа». 2019. С. 291–306.

68. Спийней В. Господство Золотой Орды в Валахии и Молдавии // Золотордынское обозрение. – Казань: ИИ АН РТ. 2016. Т. 4. № 4. С. 734–766. DOI: <http://dx.doi.org/10.22378/2313-6197.2016-4-4.с.734-766>.

69. Супруненко О.Б. Кілка знахідок Волзького походження з Полтавщини // Археологічний літопис Лівобережної України. № 2. – Киев-Полтава. 1999. С. 76–77.

70. Супруненко О.Б., Кулатова И.М., Мироненко К.М., Кракало И.В., Тітков О.В. Старожитності Кременчука: Археологічні пам'ятники історії та округи міста. – Полтава-Кременчук: «Археологія». 2004. 160 с.

71. Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.В. Старожитності золотордынского часу Дніпровського лісостепового Лівобережжя. – Киев-Полтава: «Археологія», 2004. 82 с.

72. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотордынских ханов. – М.: МГУ, 1966. 274 с.

73. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. – М.: Искусство. 1976. 228 с.

74. Ханку И.Г. Средневековый могильник Шкоала Ноуз из села Матеуцы // Далекое прошлое Молдавии. – Кишинев: ИИ АН Молд. ССР, 1969. С. 62–170.

75. Чахидзе В.Н. Детали женского головного убора из погребений кочевников восточноевропейской равнины XII–XIV вв. // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею М.Д. Полубояриновой. – М.: ИА РАН. 2017. С. 218–234.

76. Чахидзе В.Н. Серебряная посуда из погребений кочевников восточно-европейской равнины XIII–XIV вв. // Поволжская археология. № 4(22). 2017. С. 276–296.

77. Чахидзе В.Н., Виноградов В.Ю. Золотой перстень с греческой надписью в погребении средневековой кочевницы // Археология евразийских степей. Казань. № 5: Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии, 2017. С. 117–121.

78. Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В. Кочевнические погребения Среднего Приорелья. Курганы степного Поднепровья. – Днепрпетровск: ДГУ. 1980. С. 90–97.

79. Швецов М.Л. Багате кочівницьке поховання з Донбасу // Археологія № 13. – Киев: Наукова Думка. 1974. С. 93–98.

80. Швецов М.Л. Погребение знатной половчанки // Археологический альманах. № 30. – Донецк: ДонГУ. 2013. С. 307–318.

81. Швецов М.Л. Половецкая ханум // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 6. – М.: Изд. дом Марджани. 2015. С. 98–105.

82. Gołębiowska-Tobiasz A. «Baba» kamienna z kolekcji Muzeum Archeologicznego w Krakowie (Stone «baba» from the collection of the Archeological Museum in Kraków).

83. Gołębiowska-Tobiasz A. Kontakty polowieckiej ary// Materiael Y Archeologiczbe. XXXVIII, 2010. S. 127–140. stokracji rodowej z Rurykowiczami w świetle źródeł archeologicznych // Contacts between the Polovtsian aristocracy and the Rurikids in the light of archaeological sources. Colloquia Russica. Series 1. Vol. 4. Rurikids in Dynastic relations: politics, customs, culture, religion (10th–16th c.). Publication after 4th International Conference (Mogilno, 14–16th November 2013). Kraków. 2014. S. 116–135.

84. Gołębiowska-Tobiasz A. Позднокочевнический могильник в Росаве. Новая интерпретация. Сравнительный анализ // Colloquia Russica. Series I, vol. Rus' and the World of the Nonads. (the second Hale of 9th–16 th century)/ Publication from the 7th International Scientific Conference? (Plezeń, 23th–26 th November, 2016). Editor V. Nagirny. Krakow. 2017. .S.180–187.

85. Dąbrowska E. Kurhany Rassawskie // Archeologia №VIII, Z.1. Warszawa. 1958. S. 122–167.

86. Libox P. Позднокочевнический могильник в Росаве. Новая интерпретация. Каталог артефактов // Colloquia Russica. Series I, vol. Rus' and the World of the Nonads. (the second Hale of 9th–16 th century)/ Publication from the 7th International Scientific Conference? (Plezeń, 23th–26 th November, 2016). Editor V. Nagirny. Krakow. 2017. .S. 165–179.

87. Narozhny E.I. Jurchenartifacts from the Northern Caucasus // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. № 4, 2007. P. 60–64.

88. Fedorov-Davydov G.A. Städte der Golden Horde an der unteren Wolga (Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Band 11). München: Verlag C.H. Beck. 1984. 132 s.

G. V. VLADIMIROV ABOUT THE TIME,
WAYS AND CONDITIONS OF DISTRIBUTION OF EARRINGS
IN THE FORM OF A QUESTION MARK IN BALKANS

E.I. Narozhnyi

Dr., chief specialist, Non-Public Joint-Stock Company «Nasledie Kubani» (zai_ein@mail.ru).

Abstract. The review analyzes two monographs by the Bulgarian scientist G.V. Vladimirov, devoted to the study of earrings in the form of a question mark. Both books contain such decorations not only from the territory of Bulgaria, but also from neighboring states: Serbia, Macedonia, the Republic of Kosovo, etc. Rejecting the early medieval genesis of such decorations, the author in some cases does not exclude their introduction by the Alans of the North Caucasus or Cumans, in others - spread through the Golden Horde. In our opinion, the latter option is the most realistic and is supported by other artifacts of Golden Horde origin cited in the book - mirrors, locks in the form of horses, coins, etc.

Keywords: Balkans, the Golden Horde, the North Caucasus, jewelry, earrings in the form of a question mark, the Alans and the Nedzalah burial ground in Hungary.

REFERENCES

1. Abyzova E.N., Ryabtseva S.S. Izdeliya iz tsvetnykh metallov i instrumentariy yuvelirov v kontekste zolotoordynskikh drevnostey Pruto-Dnestrovskogo mezhdurech'ya // Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Kazan': IAN RT, 2009, № 2. S. 139-153
2. Armarchuk E.A. «Polovetskie ser'gi» // Arkheologiya evraziyskikh stepey. Sbornik statey k yubileyu prof. S.A. Pletnevoy. MIA Povolzh'ya. Vyp. 3. – Yoshkar-Ola: MarGU., 2006. S. 201–216.
3. Armarchuk E.A. Perstni s arabskoy epigrafikoy iz raspokop khrama u sela Veseloe pod Adlerom // Zvuchat lish' pis'mena. K yubileyu Al'biny Aleksandrovny Medyntsevoy. – M.: IA RAN. 2019. S. 50–63.
4. Assev I.V., Kirillov I.I., Kovychev E.V. Kochevniki Zabaykal'ya v epokhu srednevekov'ya (po materialam pogrebeniy). – Novosibirsk: Nauka, 1984. 201 s.
5. Basov V.I., Narozhnyi E.I. Novye pozdnekochevnicheskie komplekсы s territorii Severnogo Kavkaza. Publikatsiya materialov. Chast' 1 // MIA Severnogo Kavkaza Vyp.5 / Pod red. E.I. Narozhnogo. – Armavir: RITs AGPI. 2005. S.199–216.
6. Baranov A.I. Naselenie Krymskoy Khazarii (po materialam mogil'nikov VII-Kh vv.) // Rannie bolgary i finno-ugry v Vostochnoy Evrope. Sb. statey /pod red. A.Kh. Khalikova. – Kazan', 1990. S.72–100.
7. Blokhin V.G., Yavorskaya L.V. Arkheologiya zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ya. (uchebnoe posobie). – Volgograd: VolGU. 2006. 268 s.
8. Bubenok O.B. Cherkesskie voyny na graeitse Ulusa Dzhuchi v Srednem Podneprov'ye // Steatum plus. №5: «Ognem i mechom». – Sankt-Peterburg-Kishinev-Odessa-Bukharest, 2019. S. 343–356.
9. Byrnya P.P., Ryaboy T.F. O nekotorykh yuvelirnykh izdeliyakh iz Starogo Orkheya // Pamyatniki drevneyshogo iskusstva na territorii Moldavii. Kishinev: Shtinnitsa, 1989. S. 97–103
10. Vladimirov G.V. Pogrebenie epokhi Zolotoy Ordy v srednevekovoy Bolgarskoy stolitse Veliko Tyrnovo: problemy, gipotezy, fakty // Zolotoordynskoe nasledie. Vyp. 2. Kazan': Foliant, 2011. S. 272–279.
11. Vladimirov G. Arkheologicheski nakhodki ot zapadnata pristryoka na ts'rkvata «sv. Chetiredeset m'chenitsi» v T'rnovo // Prinosi k'm b'lgarskata arkheologiya. Tom VII. V pamet na prof. Rasho Rashev.– Sofiya: NAIM-BAN, 2013. S. 139–152.
12. Vladimirov G.V. Ser'gi v vide znaka voprosa iz Dunayskoy Bolgarii (KhIII–KhIV vv.):proiskhozhdenie i areal rasprostraneniya. Povolzhskaya arkheologiya. №1(7). Kazan': IAN RT, 2014. S. 224–233.
13. Vladimirov G.V. Material'nye sledy kumanov bolgarskikh zemlyakh (konets KhI–seredina KhIII vv.): problemy izucheniya // Povolzhskaya arkheologiya. 3(9). – Kazan': IAN RT, 2014. S. 242–255.
14. Vladimirov G.V. Ser'gi v vide znaka voprosa iz srednevekovoy Bolgarii (XIII–XIV vv.): o material'nykh sledakh kumanov i Zolotoy Ordy v kul'ture Vtorogo Bolgarskogo tsarstva.– Kazan': IAN RT, 2018. 128 s.
15. Vladimirov G.V. Obetsi sforma na v'prasilen znak ot srednevekovna B'lgariya (KhIII–KhIV v.). Za materialnite sledi ot kumanite Zlatnata Ordai v kulturata na Vtoroto B'lgarsko tsarstvo. – Sofiya. 2019. 88 s.
16. Garustvoich G.N. Sled velikoy zamyatni (Mestonakhozhdenie KhIV v. u derevni Brik-Alga). – Ufa: Iz-vo AN RB «Gilem a», 2012. 222 s.
17. Garustvoich G.N., Ivanov V.A. Materialy po arkheologii srednevekovykh kochevnikov Yuzhnogo Urala (IKh–KhV vv.). Ufa: Izd-vo BGPU, 2014. 328 s.
18. Garustvoich G.N., Rakushin A.I., Yaminov A.E. Srednevekovye kochevniki Povolzh'ya (kontsa IKh-nach. KhV vv.). – Ufa: Izd-vo «Gilem», 19983. 36 s.
19. Dautova R.A. O genezise i etnokul'turnoy interpretatsii nekotorykh tipov sereg i visochnykh podvesok KhIII–KhVIII vekov gornoy Checheno-Ingushetii //Arkheologiya i voprosy etnicheskoy Pod red. V.B. Vinogradova. – Groznyy: ChIGU. 1979. S.156–162. .
20. Dautova R.A., Mamaev Kh.M., Narozhnyi E.I., Chakhkiev D.Yu. Novye dannye o material'noy kul'ture gornoy Ingushetii (Po raspokam Shuanskogo mogil'nika) // Traditsionnaya material'naya kul'tura Checheno-Ingushetii / Pod red. V. Vinogradova. Groznyy: ChINIISF. 1989. S.15–71.
21. Dashkevich R.Ya., Tryyarski E. Kamennye baby prichernomorskikh stepey. Kolleksiya iz Askani-Nova. Wroclsv-Warszawa-Krakow-Gdansk-Lodz. 1982. 180 s.
22. Dzhorbenadze V.A. Tipy pogrebeniy i obryad zakhoroneniya v Gruzii v KhI–KhIV vv. Tbilisi: TsAIG. 1992. 18 s
23. Dobrolyubskiy A.O. Kurgany Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v epokhu srednevekov'ya. Kiev: «Naukova Dumka». 1986. 137 s.
24. Dovzhenok V.I. Tatarske misto na nizhn'om Dnipro chasiv pizn'ogo sredn'ov'ch'ya // Arkheologichni pamyatki URSR. Kiev, 1961, № 10. S.175–193.
25. Druzhinina I.A., Chkhaidze V.N., Narozhnyi E.I. Srednevekovye kochevniki v Vostochnom Priazov'ye. Armavir-Moskva: RITs AGPI. 2011. 266 s.
26. El'nikov M.V. Srednevekovyy mogil'nik Mamay-Surka (po materialam issledovaniy 1989–1992 gg.). Zaporozh'ye: ZGU, 2001. 275 s.
27. Zeleneev Yu.A. Ocherki etnokul'turnoy istorii Povolzh'ya KhIII–KhV vv. – Yoshkar-Ola: MariGU. 2013. 328 s.
28. Zhinvali. Arkheologicheskie issledovaniya v Aragvskom ushchel'ye. T. 1. – Tbilisi: Metsniereba. 1984. 424 s.
29. Il'yukov L.S., Kazakova L.M. Kurgany Miuskского poluostrava. – Rostov-na-Donu: Izd-vo. RGU. 1988. 168 s.
30. Isakov R. V., Afon'kov N. N., Sheremet'yev A. G., Arkhangel'skiy M.S. Paradnye zolotyе poyasa rannedzhuchidskogo vremeni iz Olen'-Kolodezya i Gashun-Usta: istoriko-kul'turnyy i semanticheskiy aspekty issledovaniya // Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya: Vyp. 11. – Saratov: SGU. 2013. S. 248–255.
31. Istoriya i obshchestvoznaniye. Nauchnyy i uchebno-metodicheskiy ezhegodnik. Vyp. KhVI. Armavir: RIO AGPU. 2019... 232 s.
32. Kvitnitskiy M.V., Tel'nov N.P., Lysenko S.D., Razumov S.N., Sinika V.S. Zolotoordynskiy pogrebal'nyy kompleks s zerkalom s izobrazheniem sfinksov na Nizhnem Dnestre // V poiskakh sushchnosti. Sbornik v chest' 60-letiya N.D. Ruseva. Kishinev: Stratum, 2019. S. 275–290.
33. Kvitnitskiy M.V., Tel'nov N.P., Lysenko S.D., Razumov S.N., Sinika V.S. Neordinarnyy zolotoordynskiy mogil'nik u s. Glinnoe na levoberezh'ye Nidnego Dnestra // Stratum plus. № 6: Liki voyny. – Sankt-Peterburg-Kishinev-Odessa-Bukharest, 2019. S.169–192.
34. Kravets V.V. Kochevniki Srednego Dona v epokhu Zolotoy Ordy. – Voronezh: VGPI, 2005. 206 s.+96 ill.
35. Kriger V.A. Kochevniki Zapadnogo Kazakhstana i sopredel'nykh territoriy v srednie veka (Kh–KhV vv.). – Ural'sk: Evraziyskiy soyz uchenykh. 2012. 200 s.
36. Kuznetsov V.A. Yasy v Vengrii i mogil'nik Ned'salash // KhIV «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza. Tezisy dokladov. Ordzhonikidze. 1986. S. 25–27.
37. Kuznetsov V.A. Ocherki istorii alan. 2-e izd., dop.– Vladikavkaz: Ir, 1992. 392 s.
38. Kuznetsov V.A. Alano-osetinskie etyudy. Vladikavkaz (Minvody): «Kavkazskaya zdravniitsa», 1993. 184 s.
39. Kuznetsov V.A. Yasy i kuny v Vengrii- Vladikavkaz: Proekt-Press. 2015.98 s.
40. Krivenko A.V. Nakhodki serbskikh srednevekovykh monet v mezhdurech'ye Pruta i Dnestra // Stratum plus: № 6. – Sankt-Peterburg-Kishinev-Odessa-Buzprest: «Stratum». 2014. S. 339–344.
41. Krivosheev M.V., Blokhin V.G. Srednevekovoe pogrebenie iz

- odinochnogo kurgana v Kotel'nikovskom rayone Volgogradskoy oblasti // Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya. T.10. – Donetsk: DonGU, 2012. S. 315–324.
42. Kul'tura srednevekovykh kochevnikov i gorodov Zolotoy Ordy. Katalog. – Volgograd. 2001. 30 s.
43. Lopatin V.A., Malyshev A.B. Dva srednevekovykh pogrebal'nykh kompleksa iz Kalmykii // Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi. Mezhdunarodnyy sb. nauch. st./Pod red. V.A. Lopatina. – Saratov: SGU, 2018. S. 227–243.
44. Mazhitov N.A. Yuzhnyy Ural v VII–KhIV vv. – Moskva: Nauka. 1977. 220 s.
45. Malakhov S.N. i dr., Malakhov S.N. Gurova E.A., Basov V.I., Priymak Yu.V. Polovetskoe izvyayanie iz okrestnostey khutora Veselyy // Semnadsatye chteniya po arkheologii Sredney Kubani (Tezisy dokladov / Red. S.L. Dudarev. – Armavir: Dizayn-studiya B. 2020. S.40–44.
46. Mamaev Kh.M., Narozhnyy E.I. Ser'gi i podveski v vide znaka voprosa na territorii Severnogo Kavkaza (Nekotorye voprosy genezisa i khronologii) // Severnyy Kavkaz v mezhtsilivatsionnykh kontaktakh i dialogakh ot drevnosti k sovremennosti. Tezisy regional'noy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 10-letiyu istoricheskogo fakul'teta AGPI. 24–25 oktyabrya 2001 g. / Pod red. V.G. Shnaydera. – Armavir: AGPI. 2001. S.13–15.
47. Mamaev Kh.M., Narozhnyy E.I. Novye arkheologicheskie pamyatniki zolotoordynskogo vremeni v Chechne // VAN ChR. – Groznyy: Izd-vo AN ChR. № 3 (24), 2014. S. 43–55.
48. Mamaev Kh.M., Chakhkiev D.Yu. Novye nakhodki epokhi srednevekov'ya iz okrestnostey sel. Mayrtup // Novye materialy po arkheologii i etnografii Checheno-Ingushetii. – Groznyy, 1987. S. 53–67.
49. Matveev Yu.I., Tsybin M.V. Taganskiy gruntovyy mogil'nik (Seriya: Arkheologicheskie pamyatniki Donetskogo basseyna. Vyp. 6. – Voronezh: VGU, 2004. 78 s.
50. Matyushko I.V. Pamyatniki IKh–KhIV vv. stepnogo Priural'ya. – Moskva-Berdin: DirectMedia, 2016. 324 s.
51. Mys'kov E.P. Kochevniki Volgo-Donskikh stepey v epokhu Zolotoy Ordy. Volgograd: FGBOU VPO «VolGSPU». 2015. 483 s., il., tabl.
52. Narozhnyy E.I. O katolicheskoy tserkovno-missionerskoy deyatel'nosti v basseyne Chernogo i Kaspiyskogo morey // Materialy zasedaniya, posvyashchennoy 30-letiyu nauchno-tvorcheskoy, pedagogicheskoy i obshchestvennoy deyatel'nosti shkoly akad. V.B. Vinogradova. Ch.2. / Pod red. S.L. Dudareva. Armavir: AGPI. 1994. S.17–19.
53. Narozhnyy E.I. Chernye klobuki na Severnom Kavkaze. O vremeni i usloviyakh pereseleniya // Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi. Vyp. 14: Evraziyskaya step' i lesostep' v epokhu rannego srednevekov'ya / Pod red. A.D. Pryakhina. – Voronezh: VGU. 2000. S.138–150.
54. Narozhnyy E.I. Ob «etnokol'turnykh», «etnomiksatsionnykh» i «etnoformiruyushchikh» protsessakh KhIII–KhV vv. v Severo-Vostochnom Prichernomor'ye (diskussionnye aspekty problemy) // Etnogenez etnicheskaya istoriya narodov Kavkaza. Materialy I mezhdunarodnogo nakhskogo nauchnogo kongressa (g. Groznyy. 11–12 sentyabrya 2018 g.) / Gl. red. Sh.A. Gapurov. Otv. red.S.S. Magamadov. – Groznyy: AN ChR. 2018. S.713–732.
55. Narozhnyy E.I., Mamaev Kh.M., Chakhkiev D.Yu., Dautova R.A. Polupodzemnye sklepy Keliyskogo mogil'nika (Po materialam okhrannyykh raspokop 1987 goda.) // Arkheologicheskie otkrytiya Pod red. V.B. Vinogradov. – Groznyy: ChNIISF. 1990. S. 39–79.
60. Narozhnyy E.I., Narozhnyy F.B. Numizmaticheskie materialy XIII–XIV vv. iz vysokogornoy Ingushetii // Numizmatika Zolotoy Ordy. Vyp. 2. – Kazan': II AN RT, 2012. S. 66–73.
61. Narozhnyy E.I., Okhon'ko N.A. Novopavlovskiy mogil'nik KhIV veka v sisteme evraziyskikh drevnostey (MIASK. Vyp.7). – Armavir-Stavropol': Izd-vo RITs AGPU, 2007. 176 s.
62. Narozhnyy E.I., Podgornyy M.P. Ser'gi v vide znaka voprosa iz raspokop Keliyskogo mogil'nika // Studencheskie arkheologicheskie otkrytiya 1987–1988 gg.: Tezisy dokladov i soobshcheniy / Pod red. V.B. Vinogradova. – Groznyy: ChIGU. 1989. S.21–22.
63. Novokhar'kovskiy mogil'nik epokhi Zolotoy Ordy. – Voronezh: VGU, 2002. 200 s.
64. Otsa S., Dzhordzhesku M. K voprosu ob utocnieniu datirovki klada iz Voynesh't" (zhudets Yassy) //Stratum plus. № 6. – Sankt-Peterburg-Kishinev-Odessa-Bukharest: «Stratum». 2016. S. 301–320.
65. Pavlov P., Vladimirov G. Zlatnata Orda i B'lgarite. – Sofiya: Voennoe izdatel'stvo EOOD. 2009. 176 s.
66. Posle Marko Polo. Puteshestviya zapadnykh chuzhezemtsev v strany trekh Indiy. Perevod s latinskogo i staroital'yanskogo yazykov, vvedenie i primechaniya Ya.M. Sveta. – M.: Nauka. 1968. 237 s.
67. Ryabtseva S.S. O nekotorykh predmetakh dekorirovki kostyuma i ukrasheniyyakh kontsa XIII–nachala XV vv., svyazannykh s zolotoordynskoy traditsiyey // V poiskakh suschnosti. Sbornik statey v chest' 60-letiya N.D. Russeva (Ser. «Biblioteka Stratum»). – Kishinev: Universitet «Vysshaya antropologicheskaya shkola». 2019. S. 291–306.
68. Spiney V. Gospodstvo Zolotoy Ordy v Valakhii i Moldavii // Zolotoordynskoe obozrenie. – Kazan': II AN RT. 2016.. T.4. №.4. S. 734–766. DOI: <http://dx.doi.org/10.22378/2313-6197.2016-4-4. s.734-766>.
69. Suprunenko O.B. Kilka znakhidok Volz'skogo pokhodzhennya z Poltavshchiny // Arkheologiniy litopis Livoberezhnoi Ukrainy. № 2. – Kiev-Poltava. 1999. S.76–77.
70. Suprunenko O.B., Kulatova I.M., Mironenko K.M., Krakalo I.V., Titkov O.V. Starozhitnosti Kremenchuka: Arkheologini pam'yatniki istorii ta okruzi musta. – Poltava-Kremenchuk: «Arkheologiya». 2004. 160 s.
71. Suprunenko O.B., Priymak V.V., Mironenko K.V. Starozhitnosti zolotoordynskogo chasu Dniprovskogo lisostepovogo Livoberezhzhyia.– Kiiv-Poltava: «Arkheologiya», 2004. 82 s.
72. Fedorov-Davydov G.A. Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov. – M.: MGU, 1966. 274 s.
73. Fedorov-Davydov G.A. Iskusstvo kochevnikov i Zolotoy Ordy. – M.: Iskusstvo. 1976. 228 s.
74. Khanku I.G. Srednevekovyy mogil'nik Shkoala Noue iz sela Mateutsy // Dalekoe proshloe Moldavii. – Kishinev: II AN Mold. SSR, 1969. S. 62–170.
75. Chkhaidze V.N. Detali zhenskogo golovnogo ubora iz pogrebeniy kochevnikov vostochnoevropeyskoy ravniny KhII–KhIV vv. // Pamyatniki srednevekovoy arkheologii Vostochnoy Evropy. K yubileyu M.D. Poluboyarinovoy. – M.: IA RAN. 2017. S. 218–234.
76. Chkhaidze V.N. Serebryanaya posuda iz pogrebeniy kochevnikov vostochno-evropeyskoy ravniny XIII–XIV vv. // Povolzhskaya arkheologiya. №4(22). 2017. S.276-296.
77. Chkhaidze V.N., Vinogradov V.Yu. Zolotoy persten' s grecheskoy nadpis'yu v pogrebenii srednevekovoy kochevniyy // Arkheologiya evraziyskikh stepey. Kazan'. № 5: Voennaya arkheologiya: drevnee i srednevekovoe vooruzhenie Evrazii, 2017. S.117–121.
78. Shalobudov V.N., Kudryavtseva I.V. Kochevnicheskoe pogrebeniya Srednego Priorel'ya. Kurgany stepnogo Podnepre'ya. – Dnepropetrovsk: DGU. 1980. S. 90–97.
79. Shvetsov M.L. Bagate kochivnets'ke pokhovannya z Donbasu // Arkheologiya № 13. – Kiev: Naukova Dumka.1974. S. 93–98.
80. Shvetsov M.L. Pogrebenie znatnoy polovchanki // Arkheologicheskiy al'manakh. № 30. – Donetsk: DonGU. 2013. S. 307–318.
81. Shvetsov M.L. Polovetskaya khanum // Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura narodov Evrazii. № 6. – M.: Izd. dom Mardzhani. 2015. S. 98–105.
82. Gołębiowska-Tobiasz A. «Baba» kamienna z kolekcji Muzeum Archeologicznego w Krakowie (Stone «baba» from the collection of the Archeological Museum in Kraków.
83. Gołębiowska-Tobiasz A. Kontakty polowieckiej ary// Materiael Y Archeologiczbe. XXXVIII, 2010. S. 127–140. stokracji rodowej z Rurykowiczami w świetle źródeł archeologicznych // Contacts between the Polovtsian aristocracy and the Rurikids in the light of archaeological sources. Solloquia Russica. Series 1. Vol. 4. Rurikids in Dynastic relations: politics, customs, culture, religion (10th–16th c.). Publication after 4th International Conference (Mogilno, 14-16th November 2013). Kraków. 2014. S.116–135.
84. Gołębiowska-Tobiasz A. Pozdnekochevnicheskii mogil'nik v Rosave. Novaya interpretatsiya. Sravnitel'nyy analiz // Colloquia Russica. Series I, vol. Rus' and the World of the Nonads.(the second Hale of 9th-16 th century)/ Publication from the 7th International Scientific Conference? (Plzeň, 23th–26 th November, 2016). Editor V. Nagirny. Krakow. 2017. .S.180–187.
85. Dąbrowska E. Kurhany Rassawskie // Archeologia №VIII, Z.1. Warszawa.1958. S.122–167.
86. Libokh R. Pozdnekochevnicheskii mogil'nik v Rosave. Novaya interpretatsiya. Katalog artefaktov // Colloquia Russica.Series I, vol. Rus' and the World of the Nonads.(the second Hale of 9th–16 th century)/ Publication from the 7th International Scientific Conference? (Plzeň, 23th–26 th November, 2016). Editor V. Nagirny. Krakow. 2017. .S.165–179.
87. Narozhny E.I. Jurchenartifacts from the Northern Caucasus // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia.№ 4, 2007. R. 60–64.
88. Fedorov-Davydov G.A. Städte der Golden Horde an der unteren Wolga (Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Band 11). München: Verlag C.H. Beck. 1984.132 s.